

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ,
МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ И ПСИХОЛОГИИ

**РУССКИЙ ТРАВЕЛОГ XVIII–XX ВЕКОВ:
МЕЖДУ ЛИТЕРАТУРОЙ И ДОКУМЕНТОМ**

Под ред. Н.А. Ермаковой

Новосибирск
2019

УДК 821.161.1“18/20”+008+821.0
ББК 83.3(2=Рус)–3+71.0+83.003.4
Р894

Печатается по решению
Редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВО «НГПУ»

Редакционная коллегия:
кандидат филологических наук (ответственный редактор) *Н.А. Ермакова*;
доктор филологических наук *Т.И. Печерская*;
кандидат филологических наук *Н.В. Константинова*

Рецензенты:
доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной
литературы, теории литературы и методики обучения литературе
ФГБОУ ВО «НГПУ» *Ю.В. Шатин*;
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института
филологии СО РАН *И.Е. Лоцилов*

Р894 **Русский травелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом** : коллективная монография / под ред. Н.А. Ермаковой ; М-во науки и высшего образования Российской Федерации, Новосиб. гос. пед. ун-т. – Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2019. – 342 с.

ISBN 978-5-00104-508-3

Проблематика монографии связана с исследованием разнообразных аспектов динамики взаимодействия литературы и травелога на разных этапах русской истории, литературы, культуры XVIII–XX вв.

В первом разделе рассматриваются пути и формы беллетризации документального травелога: диапазон жанровых и нарративных моделей травелога; субъект и адресат повествования; взаимодействие с традициями литературной утопии, робинзонады, мемуарного повествования; усложнение «морфологии образа местности».

Второй раздел посвящен вопросам жанровых модификаций травелога в контексте художественного произведения (В.Л. Пушкин, В. Набоков, Н. Заболоцкий, Н. Олейников, А.С. Некрасов и др.): квазитравелог, пародия на жанр путешествия, проблемы референтности и авореферентности, идеологический дискурс и воображаемая география в советском травелоге 1920-х гг., травелог-комикс, детский травелог.

УДК 821.161.1“18/20”+008+821.0
ББК 883.3(2=Рус)–3+71.0+83.003.4

ISBN 978-5-00104-508-3 © Оформление. ФГБОУ ВО «НГПУ», 2019

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
FSBEI HE «NOVOSIBIRSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY»
THE INSTITUTE OF PHILOLOGY,
MASS MEDIA AND PSYCHOLOGY

**THE RUSSIAN TRAVELOGUE
OF THE XVIII–XX CENTURIES:
BETWEEN LITERATURE AND DOCUMENTS**

Managing Editor N.A. Ermakova

Novosibirsk
2019

UDC 821.161.1“18/20”+008+821.0
LBC 83.3(2=Pyc)–3+71.0+83.003.4
R894

Recommended by the educational
and methodical council
of FSBEI HE «NSPU»

E d i t o r i a l b o a r d :

Candidate of philological sciences (editor in chief) *N.A. Ermakova*;
Doctor of Philology *T.I. Pecherskaya*;
Candidate of philological sciences *N.B. Konstantinova*

R e v i e w e r s :

Doctor of Philology, Professor of the Russian and foreign literature,
theory of literature and methodics of teaching literature
of FSBEI HE «NSPU» *Yu.V. Shatin*;
Candidate of philological sciences, leading Researcher
of the Department of Institute of Philology Siberian
Branch of the Russian Academy Sciences *I.E. Loshchilov*

R 894

Russian travelogue of the XVIII–XX centuries: Between literature and documents : the collective monograph / ed. by N.A. Ermakova ; Ministry of Science and higher Education of the Russian Federation, Novosibirsk State Pedagogical University. Novosibirsk: Publishing sector of NSPU, 2019. – 342 pp.

ISBN 978-5-00104-508-3

The monograph is devoted to studying various aspects of the dynamics of the literature and travelogue interaction at different stages of Russian history, literature, and culture of the XVIII–XX centuries.

The first section discusses the ways and forms of fictionalizing the documentary travelogue: the range of genre and narrative travelogue models; the subject and the addressee of the story; the interaction with the traditions of literary utopia, robinsonade, memoir narration; the complication of the «morphology of the place image».

The second section deals with the issues of travelogue genre modifications in the context of imaginative literature (V. L. Pushkin, V. Nabokov, N. Zabolotsky, N. Oleinikov, A.S. Nekrasov, etc.): quasitravelogue, parodies of the travel genre, the issues of referentiality and self-referentiality, ideological discourse and imaginary geography in the 1920s Soviet travelogue, travelogue comic strips, children’s travelogue.

UDC 821.161.1“18/20”+008+821.0
LBC 83.3(2=Pyc)–3+71.0+83.003.4

ISBN 978-5-00104-508-3

© Typography. FSBEI HE «NSPU», 2019

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РАЗДЕЛ 1 ТРАВЕЛОГ VIS-À-VIS ЛИТЕРАТУРА

1.1. Жанровый и нарративный аспекты документального травелога (записки паломников, путевые очерки, путевой дневник, письма, рапорт, отчет).....	7
Путешествия Н.Д. Свербеева по Сибири (1852–1854) в эпистолярном и литературном отражениях (<i>Медведева Т.В.</i>).....	7
Япония в русских травелогах рубежа XIX–XX веков (<i>Богодерова А.А.</i>).....	52
Паломнические путешествия священнослужителей начала XX века (по материалам сибирских епархиальных изданий) (<i>Рощина О.С.</i>).....	78
«Путешественники по долгу службы»: роль и статус имперских экспертов в колонизации Западной Сибири и Степного края (вторая половина XIX – начало XX вв.) (<i>Чуркин М.К.</i>).....	97
1.2. Формы беллетризации документального травелога: взаимодействие с традициями литературной утопии, робинзоны, мемуарного повествования	117
Путешествуя по книге: травелоги Мориса Беневоля и Ивана Рюмина (<i>Мароши В.В.</i>).....	117
Русское пространство в травелоге «Писем русского офицера» Ф.Н. Глинки (<i>Ермакова Н.А.</i>).....	148
Особенности композиции «Странствователя по суше и морям» Е.П. Ковалевского (<i>Фарафонова О.А.</i>).....	174
Москва и Петербург в дорожных записках Ивана Вазова «Вне Болгарии» (<i>Чавдарова Дечка</i>).....	196

РАЗДЕЛ 2
ЛИТЕРАТУРА VIS-À-VIS ТРАВЕЛОГ

2.1. Модификации художественного травелога: пародии на жанр путешествия, квазитравелог, проблемы референтности и автореферентности.....	218
«Путешествие до путешествия»: И.И. Дмитриев, Н.М. Карамзин и В.Л. Пушкин (<i>Зверева Т.В.</i>).....	218
Карты и путеводители в произведениях В.В. Набокова (<i>Николаева Е.Г.</i>).....	233
Дорожная тема в литературе русского фронта (<i>Юхнова И.С.</i>).....	281
2.2. Советский травелог 1920–1930-х годов: идеологический дискурс и воображаемая география, детский травелог	293
Версальская Европа в советском травелогe 1920-х годов (<i>Пономарев Е.Р.</i>).....	293
Африка Николая Заболоцкого и Николая Олейникова (<i>Кувшинов Ф.В.</i>)	306
Капитан Врунгель как посол Советского Союза: Детская литература в отражении геополитики (<i>Пономарев Е.Р.</i>).....	321

РАЗДЕЛ 2 ЛИТЕРАТУРА VIS-À-VIS ТРАВЕЛОГ

2.1. МОДИФИКАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТРАВЕЛОГА: ПАРОДИИ НА ЖАНР ПУТЕШЕСТВИЯ, КВАЗИТРАВЕЛОГ, ПРОБЛЕМЫ РЕФЕРЕНТНОСТИ И АВТОРЕФЕРЕНТНОСТИ

Т.В. Зверева

Удмуртский государственный университет

«ПУТЕШЕСТВИЕ ДО ПУТЕШЕСТВИЯ»: И.И. ДМИТРИЕВ, Н.М. КАРАМЗИН И В.Л. ПУШКИН

Аннотация: Данная статья обращена к вопросу о жанровой разновидности русского травелога. В центре внимания шуточное стихотворение И.И. Дмитриева «Путешествие NN в Париж и Лондон, написанное за три дни до путешествия». В исследовании доказывается, что данный текст является «двойной пародией», объектом которой являются и европейская поездка В.Л. Пушкина, и роман Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника». Дмитриев обыграл принципы построения карамзинского романа (прежде всего, его установку на первичность вымысла). Отсутствие референтного плана указывает на фиктивный характер описываемого путешествия. Однако за фиктивным путешествием, обыгранным в дмитриевском тексте, последовала реальная поездка В.Л. Пушкина, повторившая путь, прочерченный в литературном тексте. И если Карамзин до конца не осознал действенность и смыслопорождающий потенциал подобной структуры, то Дмитриев обнажил эту структуру и сделал прием видимым для читателя.

Ключевые слова: травелог, жанр, предромантизм, пародия, мистификация.

Сведения об авторе: Зверева Татьяна Вячеславовна, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы и теории литературы Удмуртского государственного университета (г. Ижевск, ул. Университетская, 1, УдГУ. Тел. 8 (3412) 916– 154. E-mail: tvzver.1968@yandex.ru).

В 1803 году И.И. Дмитриев посвящает своему другу В.Л. Пушкину небольшое стихотворение. «Путешествие NN из Парижа и Лондона, писанное за три дни до путешествия» – это одновременно и текст-мистификация, и дружеское послание, и откровенная игра с посвященным читателем, и пародия на В.Л. Пушкина, и спор с Карамзиным, и пародия на современный жанр путешествия¹.

Еще задолго до появления «Арзамаса» в русской культуре стали вырабатываться игровые принципы отношения к жизни и литературе. Отчасти подобное поведение было связано с общей установкой эпохи на театральность, о которой подробно писал Ю.М. Лотман [Лотман, 1992]. Василий Львович Пушкин стал объектом многочисленных шуток и пародий. Показательна его реакция на них – дядя великого русского поэта умел держать себя в руках и никогда не забывал, что на него устремлены взоры современников. Даже в последнюю минуту он ощущал себя не на смертном одре, а на театральной площадке. П.В. Анненков приводил легенду, что в свой последний час Василий Львович с трудом добрался до книжного шкафа, извлёк издание песен Беранже и умер с книгой в руках

¹ Данное произведение И.И. Дмитриева не было единичным. Пародии на жанр путешествия – одно из существенных отличий литературного процесса начала XIX века. В частности, следует отметить перевод Ксавье де Местра «Путешествие по моей комнате» (1803), анонимный перевод «Путешествие моего двоюродного братца в карманы», а также произведение Н. Брусилова «Мое путешествие. Приключения одного дня» (1803).

[Анненков, 1998, с. 28]. Его смерть – последний эффектный жест, рассчитанный на аплодисменты зрителя.

В год написания шуточного стихотворения Дмитриева стихотворец потерпел фиаско на любовном фронте. История краха семейных отношений также не лишена черт театральности. Супруга Василия Львовича увлеклась хрустальным магнатом. После получения из его рук букета из хрустальных роз она навсегда покинула семейный очаг, оставив безутешного поэта оплакивать свою горькую судьбу. Друзья уговорили Василия Львовича съездить в Европу, чтобы развеять мрачные мысли. В преддверии будущего европейского путешествия Иван Иванович Дмитриев и пишет свой «маленький альбом». Так выглядела общепринятая версия поездки, однако, в действительности цель пушкинского вояжа ясна не до конца. Имеется предположение, что путешествие было масонским (вокруг поездки Н.М. Карамзина также ходили слухи о ее масонской цели). Как бы то ни было, но путешествие, действительно, развеяло Василия Львовича.

Два письма В.Л. Пушкина из Парижа и из Берлина были опубликованы в «Вестнике Европы». Поэт описывал свои европейские впечатления, явно ориентируясь на эстетические предпочтения Карамзина. Письма свидетельствуют о том, что их автор не только хорошо усвоил манеру и стиль карамзинского романа, но и осуществил буквальное путешествие по его страницам. «Паломничество по следам Карамзина», – так сам Василий Львович охарактеризовал свою поездку. В романе Карамзина задана идеальная траектория путешествия, на долгие годы предопределившая как пространственный вектор, так и внутреннюю – нравственную – составляющую европейской поездки. Но если путешественник Карамзина – это, по точному выражению Ю.М. Лотмана, человек с книгой в руках, то путешественник В.Л. Пушкина – это человек с карамзинским романом в руках. Вслед за Карамзиным в двух

письмах описаны визиты к именитым персонам, посещение спектаклей и встречи с актерами, прогулки по знаменитым паркам и бульварам. Даже собирание библиотеки становится общим делом – и Карамзин, и Пушкин вернулись из заграничного путешествия с огромными библиотеками (впоследствии и карамзинская, и пушкинская библиотеки сгорели в московском пожаре 1812 года).

Несмотря на их явную вторичность и подражательность, Карамзин размещает два письма Василия Львовича в своем журнале. Показателен отбор писем. В первом берлинском письме (1803 г., 28 июня) много говорится о Карамзине и его романе:

1. В Риге Василий Львович встречается с женой господина Гая: «Жена его, или, лучше сказать, Грация читала ваше *Путешествие* – натурально, что я говорил о вас; сказал, что вас знаю, что вы меня любите, что накануне отъезда я провел целый день с вами» [Пушкин, 1989, с. 201];

2. В Данцинге происходит встреча с Господином Пелитром, которому роман также оказался знаком: «*Путешествие* ваше ему очень известно, но похвального слова он еще не имеет» [Пушкин, 1989, с. 202];

3. В Берлине Пушкин дарит портрет Карамзина господину Коцебу: «...я третьего дня у него ужинал; подарил ему портрет ваш, и он благодарил меня чрезвычайно» [Пушкин, 1989, с. 202], а впоследствии пьет чай с И.Б. Чудовским, который вспоминает о Карамзине: «Он с удовольствием вспоминает о Вас, и сказал мне, что мы у него пили чай в Дрездене» [Пушкин, 1989, с. 203].

Пушкину важно отметить европейский резонанс карамзинского романа². Во втором – парижском – письме, датиро-

² Заметим, что в действительности «Письма русского путешественника» не имели подобного резонанса, роман не был оценен европейской публикой. См. об этом: [Быкова, 1969; Cross A.G., 1971].

ванном 12 сентября 1803 г., имя Карамзина не упоминается, но текст письма выстроен как непрерывный диалог с автором «Писем русской путешественника»: «Не буду говорить о Версалии, великолепном ее дворце и садах, которые вы знаете. Подобно вам, я гулял в Трианоне и наслаждался приятным вечером» [Пушкин, 1989, с. 207–208]. Следуя карамзинским путем, В.Л. Пушкин высказывает собственные суждения, комментирует увиденное «вослед» Карамзину.

Почему Карамзин публикует пушкинские письма? Связано ли это со стремлением молодого писателя еще раз напомнить своим читателям о себе? Думается, что причины публикации находятся за пределами личного писательского тщеславия. Карамзин интуитивно ищет новые литературные стратегии, в результате вокруг романа возникает целый ряд вторичных авторских текстов – реальных писем, анонсов, комментариев. После закрытия «Московского журнала» Карамзин вынужден публиковать авторецензии в “*Spectateur du Nord*” в Гамбурге. Роман как бы не имел собственных границ и был распахнут в жизнь. Два письма Василия Львовича “продолжали” карамзинский роман, в очередной раз стирая границы между вымыслом и реальностью. Если в «Письмах русского путешественника» Карамзин уходил от себя, конструируя образ путешественника, то в письмах Пушкина фигура Карамзина вновь обретала реальное бытие. Иными словами, фиктивный путешественник снова становится реальным человеком – адресатом писем и одним из героев. Можно предположить, что именно этот чисто литературный сюжет и привлек Карамзина, решившего опубликовать “неудачные” опыты своего друга. Однако на этом история европейской поездки не заканчивается... В 1803 году появляется приписываемое И.И. Дмитриеву «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» – стихотворение, в герое которого современники узнали Василия Львовича Пушкина.

На сегодняшний день имеется несколько версий датировки и авторской принадлежности дмитриевского текста. Ряд исследователей сходится на мысли, что поэма была написана по следам путешествия. Несомненным доказательством этого утверждения является знаменитый эпизод приема у Наполеона, действительно, имевший место во время заграничной поездки Василия Львовича. В наиболее последовательном виде эта позиция отражена в статье В.Л. Степанова [Степанов, 1983]. В то же время имеются и сторонники другой точки зрения, утверждающие обратное – текст был создан до отъезда и стал своеобразным путеводителем (в частности, можно сослаться на работу Н.Н. Трубицына [Трубицын, 1914]). Наконец, Н.И. Михайлова попыталась доказать, что «Путешествие NN» написано не Дмитриевым, а самим В.Л. Пушкиным после возвращения из путешествия [Михайлова, 1983]. Сегодня трудно окончательно решить вопрос об авторской принадлежности текста (прояснить ситуацию могут только найденные архивные данные). Культура начала XIX века мифогенна по своей природе, мифы, в том числе и биографические, были способны полностью поглотить собой реальность. Для настоящего исследования, обращенного к жанровой структуре травелога, этот вопрос не является принципиальным, и мы исходим из традиционного понимания, т.е. полагаем, что автором поэмы был И.И. Дмитриев.

«Путешествие NN из Парижа и Лондона, писанное за три дни до путешествия» – это двойная пародия, объектом которой, с одной стороны, является фигура Василия Львовича Пушкина, с другой – роман Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника». И.И. Дмитриев был знаком не только с романом, но и с обстоятельствами его публикации. Кроме того, Дмитриев был реальным адресатом многочисленных писем Карамзина из-за границы. Не исключено, что дмитри-

евский текст был реакцией на жанр травелога, ставшего ведущим жанром в русской литературе того времени.

Как известно, значительная часть «Писем русского путешественника» была написана до поездки [Лотман, Успенский, 1997]. Во время реального путешествия ее автор встретился с Европой, которая была ему хорошо известна по журналам и книгам. Иными словами, Карамзин первым реализовал стратегию «путешествия до путешествия», но сама эта стратегия была частью писательской лаборатории и вряд ли входила в авторский замысел. Дмитриев выявил смыслопорождающий потенциал подобной структуры и сделал видимой невидимую прежде форму. Название поэмы прямо указывает на возможную жанровую разновидность травелога. Герой, от лица которого идет речь в «Путешествии NN», пишет свое произведение за три дня до путешествия, после чего совершает реальную поездку по описанным местам. Таким образом, Дмитриев обыгрывает скрытую карамзинскую стратегию. Анонимность шуточного стихотворения показательна – это «незлобная» игра, где за авторской маской скрываются два лика (И.И. Дмитриев и В.Л. Пушкин). Европейское путешествие Василия Львовича началось с игры и стало первым в истории русской культуры литературоцентричным путешествием, т.е. круизом, осуществленным по страницам карамзинского романа. Произошедший в русской культуре начала XIX в. переворот свидетельствовал, что литературный текст стал той первичной реальностью, на которую отныне ориентирована человеческая личность.

В «Путешествии NN» последовательно обыграны основные принципы построения карамзинского романа. Прежде всего, «маленький журнал» Дмитриева противопоставлен эпистолярному роману Карамзина, отличительной чертой которого была установка на описательность. Подробные опи-

сания привели к резкому увеличению объема произведения, ставшего одним из самых больших в русской литературе начала XIX века. По сравнению с «Письмами русского путешественника» произведение Дмитриева характеризуется «легкостью» и изяществом трехчастной структуры.

Дмитриев намеренно изымает из карамзинского романа сюжет, оставляя голую фабулу. Внутренняя интенция травелога – притязания автора на власть над пространством. В данном жанре пространственные интуиции оказываются первичными, но главной особенностью сентиментального (предромантического) путешествия является его ориентация на постижение времени: пространственные впечатления для карамзинского героя вторичны, в его письмах постоянно размышления о времени. Не случаен в этой связи интерес к руинам, свидетельствующим о преходящей сущности бытия³. В «Путешествии NN» автор изымает соотнесенный с сюжетом временной план, в результате чего конструктивным принципом текста становится принцип каталожного описания. Если Карамзин пользуется перечислительными конструкциями только в нескольких эпизодах (посещение Дрезденской галереи, Версаля, Вестминстерского аббатства и пр.), то Дмитриев строит на подобных перечислениях подавляющую часть своего произведения. При этом описание мест и имен превращается в перечень, в котором, как в калейдоскопе, смешалось вся и всё:

Я видел корпус мамелюков,
Сиеса, Вестриса, Мерсье,
Мадам Жанлис, Виже, Пикара,
Фонтана, Герля, Легуве,
Актрису Жорж и Фиеве;

³ О «руинном» тексте см.: [Зверева, 2007].

Все тропки знаю булеvara,
Все магазины новых мод...
[Дмитриев, 1967, с. 348]

В результате избранного принципа изображения Василий Львович (или NN) превращается в неуемного поглотителя впечатлений, пытающегося повторить путь Карамзина.

Игра будущим и настоящим временем составляет смысловое ядро дмитриевского текста. Настоящее время – всего лишь иллюзия, автор с самого начала фиксирует условность происходящих событий. Дмитриев наделяет еще не осуществленное путешествие NN всеми признаками реального, порождая иллюзию подлинности. Так, например, в конце второй части герой неожиданно прерывает писание своего письма на глазах у читателя (прием, ставший впоследствии конструктивным для «Евгения Онегина»):

Я слышу стук!.. никак за мною?
Так точно, наш земляк зовет...
<...>
Простите! Время одеваться.
[Дмитриев, 1967, с. 349–350]

Интересна и возникающая в тексте такая форма времени, как «будущее в будущем»:

Чрез месяц, два – я, может статься,
У мачты буду поверять
Виргилиеву грозну бурю;
А если правду вам сказать,
Так я глаза мои зашчурю
И промыслу себя вручу.
Как весело! лечу! лечу!
[Дмитриев, 1967, с. 350].

Иными словами, в шуточном стихотворении отразилась условность времени. Принципиально субъективное время, всецело зависящее от воспринимающего его субъекта, демонстрировало свою прихотливую игру и подчиняло себе мир. Это одно из ведущих открытий русского предромантизма.

Обращает на себя внимание и то, что Дмитриев уходит от пейзажных описаний, которыми так насыщены «Письма русского путешественника». Дикая природа вызывала восторг в душе карамзинского путешественника, величие природного мира было главным доказательством божественного бытия:

Если мне когда-нибудь наскучит свет; если сердце мое когда-нибудь умрет всем радостям общежития; если уже не будет для меня ни одного сочувствующего сердца, то я удалюсь в эту пустыню, которую сама натура оградила высокими стенами, неприступными для пороков, – и где все, все забыть можно, все, кроме Бога и природы [Карамзин, 1980, с. 169];

Я стоял на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могут для поклонения всевышнему!.. Язык мой не мог произнести ни одного слова, но и никогда я так усердно не молился, как в сию минуту [Карамзин, 1980, с. 199].

Дмитриев в начале третьей части живописует «бурный пейзаж». Но в отличие от карамзинского путешественника, для которого созерцание природного бытия оборачивалось созерцанием божественного устройства мира, NN видит в «Виргилиевой грозе» лишь угрозу собственной жизни и его охватывает чувство ужаса.

Одна из важнейших авторских установок в «Письмах русского путешественника» – выявление принципиального сходства между Россией и Европой. Путешественник Карамзина наделен избытком знания и зрения, поэтому его прекло-

нение перед европейской культурой было лишено того идолопоклонства, которое охватило значительную часть русского общества. Напротив, смотря на Европу глазами NN, Дмитриев всячески подчеркивает различия между европейской и русской действительностью, при этом оппозиция Европа/Россия оказывается семантически маркированной: жизнь в России приравнивается к «существованию», в то время как Европа наделена признаками подлинности: «Друзья! Сестрицы! Я в Париже! / Я начал жить, а не дышать» [Дмитриев, 1967, с. 348] (эти строки восходят к знаменитому восклицанию карамзинского путешественника: «И я живу на свете!» [Карамзин, 1980, с. 196]). Однако в «Письмах русского путешественника» обостренное чувство собственного существования выстрадано и обретено, в то время как для дмитриевского героя сам факт пребывания в Париже явился залогом подлинной жизни. Обилие риторических восклицаний, которыми перстрит шуточное стихотворение, свидетельствует о предельной экзальтации героя. Если путешественник Карамзина испытывает подобные чувства, встречая на своем пути картины величественной природы или созданий искусства, то NN (или Василий Львович) преклоняется пред благами европейской цивилизации:

Я вне себя от восхищенья!
В каких явлюсь к вам сапогах!
Какие фраки! панталоны!
Всему новейшие фасоны!
Какой прекрасный выбор книг!
[Дмитриев, 1967, с. 350]

Чрезвычайно важно, что карамзинское путешествие в первую очередь предполагало «обретение себя»: внешнее путешествие было вторичным, лишь «оболочкой его (героя. – Т.З.)

“внутреннего” странствия по лабиринту собственной души. Только это второе и является тем подлинным путешествием, которое должен совершить ученик, ищущий источник света» [Лотман, 1997, с. 528]⁴. Карамзин, как известно, вернулся из поездки «совершенно изменившимся телом и душой». В свою очередь ирония Дмитриева связана как раз с неизменностью Василия Львовича, который оказывается равным самому себе. Еще Лотман отметил несостоятельность поездки В.Л. Пушкина, пытающегося перевоплотиться в образ карамзинского «русского путешественника» [Лотман, 1997, с. 490].

Таким образом, «Путешествие NN» – несомненный отклик на «Письма русского путешественника». Однако при всей степени иронического отталкивания от знаменитого карамзинского романа Дмитриев одновременно следует за ним. В стихотворении, как и в «Письмах», всячески подчеркнута условность литературного текста. Эпоха предромантизма ориентирована на слияние литературы и жизни, вымысла и реальности. По мнению Лотмана и Успенского, именно установка на стирание границы между этими сферами характеризует жизнь и творчество Карамзина: «...жизнь просматривалась сквозь призму литературы, а литература – сквозь призму быта» [Лотман, 1997, с. 486]. Не случайно в начале своего романа Карамзин ссылается на «Тристрама Шенди», а заканчивается произведение упоминанием «китайских теней». Обнажение фиктивной сущности текста – стало огромным шагом вперед в истории русской литературы, поскольку только с осознанием собственной сущности начинается любое подлинное искусство. Парадоксально, но именно в фиктивных путешествиях русская литература обретала подлинные пути своего развития. Неудачный вояж Василия Львовича Пушкина обернулся большой удачей для русской словесности.

⁴ См. подробно о травелоге как ритуале и посвящении: [Шенле, 2004].

Итак, можно говорить о потенциальной жанровой структуре «путешествия до путешествия» или «будущем путешествии». Благодаря дмитриевскому тексту возникает еще одна жанровая разновидность русского травелога. Будущее путешествие указывает на принципиальное отсутствие референтного плана⁵. Однако принципиальное отличие дмитриевского «Путешествия NN» заключается в том, что за фиктивным путешествием следует реальное, повторяющее путь, прочерченный в литературном тексте. И если Карамзин до конца не осознал действенность и смыслопорождающий потенциал подобной структуры, то Дмитриев обнажил эту структуру и сделал прием видимым.

Остается лишь добавить, что «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за три дни до путешествия» оказало существенное влияние на роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Пушкинский роман в стихах – это, прежде всего, литературный вояж, в том числе и по страницам произведений И. Дмитриева. А образ Василия Львовича, впервые разыгранный Дмитриевым, ляжет в основу поэмы «Граф Нулин»⁶. Знаменательно, что Василий Львович подхватит эту литературную игру и уже по «онегинским» и «нулинским» следам

⁵ Заметим, что «воображаемое путешествие» в наиболее чистом виде воплотилось впоследствии в «Страннике» А.Ф. Вельтмана. Эта линия русской литературы неизбежно вела к кризису жанра, поскольку отнимала у него один из системообразующих признаков – реальный образ пространства. По верному замечанию И.В. Банах, «...сентиментальное путешествие “изживало” себя своими же собственными возможностями, разрушая само представление о событии в путешествии как изменении исходной топологической структуры, и явило образец бесфабульного повествования – путешествия без путешествия» [Банах, 2005, с. 79].

⁶ Впервые вопрос о творческом диалоге между А.С. Пушкиным и И.И. Дмитриевым был поставлен Г.П. Макогоненко: [Макогоненко, 1966].

напишет стихотворную повесть «Капитан Храбров», но это уже совсем другая история...

Литература

Анненков П.В. Пушкин в Александровскую эпоху. Минск: Лимариус, 1998. 360 с.

Банах И.В. Структура повествования в жанре путешествия (на материале русской литературы конца XVIII – первой трети XIX вв.). Гродно: Изд-во ГрГУ им. Я. Купалы, 2005. 132 с.

Быкова Т.А. Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // XVIII век. Сб. 8: Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 324–342.

Дмитриев И.И. Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1967. 501 с.

Зверева Т.В. Взаимодействие Слова и пространства в русской литературе второй половины XVIII века. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2007. 323 с.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Повести. М.: Правда, 1980. 608 с.

Лотман Ю.М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн: «Александр», 1992. Т. 1. С. 269–286.

Лотман Ю.М. Успенский Б.А. «Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры // Лотман Ю.М. Карамзин. СПб: Искусство-СПб., 1997. С. 484–564.

Макогоненко Г.П. Пушкин и Дмитриев // Русская литература. 1966. № 4. С. 19–36.

Михайлова Н.И. «Парнасский мой отец». М.: Сов. Россия, 1983. 193 с.

Пушкин В.Л. Стихи. Проза. Письма. М.: Сов. Россия, 1989. 368 с.

Степанов В.П. Заметки о В.Л. Пушкине // Пушкин: Исследования и материалы. Л.: Наука, Ленингр. отд-е, 1983. Т. 11. С. 250–267.

Трубицын Н.Н. Из истории поездки Василия Львовича Пушкина за границу (1803–1804) // Пушкин и его современники: Материа-

лы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд. рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1914. Вып. XIX–XX. С. 242–269.

Шенле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1760–1840. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.

Cross A.G. N.M. Karamzin. A Study of his Literary Career. 1783–1803. London; Amsterdam, 1971. P. 94–95.

T.V. Zvereva

The Udmurt State University

«TRAVEL BEFORE TRAVEL»:

I.I. DMITRIEV, V.L. PUSHKIN AND N.M. KARAMZIN

Abstract. Given article is turned to a problem of a genre version of Russian травелога. The author of article investigates I.I.Dmitriev's comic poem «Travel NN to Paris and London, written for three days before travel». This text is «a double parody». The object of a double parody is V.L.Pushkin's European travel and N. M.Karamzin's novel «Letter of the Russian traveller». Dmitriev has beaten principles of construction of the novel of Karamzin. Vasily Lvovich's European travel has begun with a joke. This travel is the first literary travel in the history of Russian culture. Absence of the referential plan finds out fictitious character of described travel. But V.L.Pushkin's real trip followed fictitious travel. The real trip has repeated a way drawn in the Karamzin novel. Karamzin has not understood effective potential of similar structure. Dmitriev has bared this reception and it has made this reception visible for the reader.

Keywords: travel, a genre, preromanticism, a parody, mystification.

Information about the author. Zvereva Tatyana Vjacheslavovna, the Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian literature and the literature theory of the Udmurt State University (Izhevsk, Street Universtitetsky, 1, UdGU. Ph. 8 (3412) 916 154. E-mail: tvzver.1968@yandex.ru).